

УДК 316.48+327.8

«МЯГКАЯ СИЛА» И ЭСКАЛАЦИЯ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ

Иванов Олег Борисович,

руководитель Центра урегулирования социальных конфликтов,
заслуженный юрист Московской области,
Москва, Россия,
E-mail: collegiamo@gmail.com

Аннотация

В статье выявляются сущность и назначение «мягкой силы» во внешней политике, анализируется ее потенциал и возможности в части эскалации социально-политических конфликтов национального уровня. Исследуется соответствующий опыт применения ключевых инструментов «мягкой силы». Автор утверждает, что «мягкая сила» используется в качестве инструмента влияния и пропаганды в глобальном информационном пространстве и внешней политике. В эпоху глобализации «мягкая» мощь возрастает по сравнению с «жесткими» инструментами влияния.

Ключевые понятия:

мягкая сила, мягкое влияние, геополитический проект, социально-политический конфликт, управление социально-политическим конфликтом.

В настоящее время борьба между группами факторов обеспечения национальных интересов в глобальной политике вышла на новую стадию. Первая группа, предлагающая использование военно-силовых средств, расширяет сферу применения. Однако обострение международной обстановки не будет продолжаться долго. Логично ожидать смягчения политического климата, укрепление позиций «мягкой силы» и тех акторов, которые смогут использовать ее потенциал.

С развитием информационного общества в мире возрастает роль информации, которая занимает центральное место в концепции «мягкой силы». Информация является инструментом прогресса человечества, открывающим огромное количество возможностей. Однако с изобретением способов, методов и технологий информационно-психологического воздействия она превращается в геополитическое оружие, которое существенно влияет на развитие страны, подвергающейся «информационная атаке» [1, с. 166].

Применение «мягкой силы» позволяет добиваться желаемого поведения как от союзников, так и от противников мирными средствами, без применения военно-политической или экономической агрессии. Ключевыми сферами применения «мягкой силы» являются: культурные и политические ценности, институты (которые способны притягивать других в собственных интересах), национальные идеалы, внутренняя политика (демократия, свобода и права человека, благотворительность), а также культура, причем не столько «высокая», классическая, сколько массовая, современная (музыка, кинематограф, литература и т. д.) [2, с. 21].

Как отметил несколько лет назад министр иностранных дел России Сергей Лавров: «Сегодня очевидно, что без грамотного использования солидного ресурса «мягкой силы» невозможно эффективно отстаивать интересы государства в мире» [3].

После распада биполярной мировой системы остался только один центр силы – США. Как итог, именно США доминировали в международных отношениях, что создавало дополнительный импульс для их потенциала «мягкой силы». Это привело к идеологическому превосходству США в вопросах выбора политической и экономической модели развития мира, распространению ценностей. В определенный момент западная экономическая и социальная модель развития стала эталонной, воспринималась в качестве единственно возможного залога государственной стабильности [4, с. 26].

Современная ситуация на мировой арене такова, что такой проводник «мягкой силы», как коллективный Запад во главе с США возлагает на себя исключительную миссию определять, что «хорошо», а что «плохо», «справедливо» и «несправедливо», указывать, какая страна является образцом, а какая – изгоем, подвигая тем самым остальных участников мирового политического процесса соглашаться с этой интерпретацией в обмен на поддержку со стороны ключевого субъекта «мягкой силы» [5, с. 27].

Эффективность «мягкой силы», применяемой западными акторами, определяется двумя аспектами. Первый состоит в том, что пропагандируемые западные ценности культуры и политики представляются своего рода идеалами, имеющими, в то же время, возможность быть реализованными в конкретных национальных условиях. Это обстоятельство существенно повышает объективную социальную притягательность данных ценностей и, следовательно, эффективность использования их образов. Второй аспект более сложен и заключается в том, что с помощью мягкой силы акторы пытаются сформулировать единственно актуальную глобальную повестку дня и, одновременно, установить рамки соответствующей дискуссии. Очень точно эти аспекты подметил известный американский исследователь Уолтер Рассел Мид: «Притягательная сила – ценности, идеи, политические шаги, встроенные в нашу систему, – убажывает другие нации. Сила гегемонии создает нечто столь же искусственное и произвольное, сколь с исторической точки зрения сама американская система порядка со времен Второй мировой войны выглядит естественной, желанной, неизбежной и устойчивой» [6, с. 25–26].

Так, информационно-психологическое воздействие на сознание и поведение населения России и бывших союзных республик с помощью инстру-

ментов «мягкой силы» со стороны США и Евросоюза сопровождает весь процесс формирования независимых государств на постсоветском пространстве. Сила и значение этого воздействия таковы, что само становление гражданских обществ и государственных институтов в странах бывшего СССР не может осуществляться вне учета механизма «промывания мозгов». Появляется феномен «управляемого гражданского общества» с видимостью прав, искаженным представлением о долге, обязанностях, деятельностью финансируемых США общественных организаций. Наиболее ярким примером всего вышесказанного могут служить события последних лет на Украине. Здесь в течение более чем 20 лет информационное давление, оказываемое на гражданское общество, сформировало поколение русофобов и националистов, готовых участвовать в «зачистках» на юго-востоке не по принуждению, а по убеждению [7, с. 24].

Сами по себе экспортлируемые западные ценности – это всего лишь слегка трансформированные в соответствии с современными вызовами классические продукты либеральной идеологии («демократические институты», «демократические ценности», «права человека» и др.). В силу декларируемой (хоть и принципиально недоказуемой) их универсальности, западные страны, активно использующие «мягкую силу», рассматривают общественно-политические конфликты в третьих странах (то есть конфликты национального уровня) в первую очередь как путь проникновения в их культурную среду с целью ее дальнейшего преобразования в соответствии с собственным видением мира. При этом предполагается, что окончательное разрешение такого конфликта не является целью и, зачастую, вообще нежелательно. Об окончании конфликта и о стратегии действий в связи с этим следует задумываться только тогда, когда конфликт перестанет быть интересен с точки зрения использования его для оказания самого разного давления на прочих акторов и, следовательно, исчерпает свои возможности в глобальной политической борьбе. В связи с этим крупные глобальные акторы при применении «мягкой силы» стремятся выстроить конфликт в выгодную им схему взаимодействия с его участниками и использовать эту схему в соответствии с собственными интересами [8].

Таким образом, современный социально-политический конфликт – явление синтетическое. Оно включает в себя как противостояние внутри государства, так и геополитическое противостояние глобальных внешних акторов, заинтересованных в определенном исходе конфликта и влияющих на такой исход с помощью инструментов «мягкой силы».

История социально-политических конфликтов последних лет четко иллюстрирует заявленную позицию. Национальные события в рамках нормального политического противостояния при необходимости «обрабатываются» заинтересованными внешними акторами с помощью «мягкой силы» через посредство, например, институтов гражданского общества, и в дальнейшем используются для удаленного администрирования. В итоге, атакованные государства «пикируют» в направлении серьезного политического кризиса, который приводит либо к существенной трансформации публичной власти, падению уровня жизни и прочим неблагоприятным последствиям (как, например, было в Грузии в 2003 г. и на Украине в 2004 г.), либо (при самом негативном варианте развития событий), – к гражданской войне (Ливия в 2011 г., Сирия – с 2011 г., Украина – с 2014 г.) [7].

Основными инструментами «мягкой силы» в условиях конфликта являются пропаганда, вербовка, давление через третьих лиц, подкуп и обещание различных преференций. Государственный переворот посредством цветных революций во время избирательного процесса и установление марионеточного режима, как было в Сербии, Грузии и Украине, также является ярким примером применения «мягкой силы» [9].

Своеобразным руководством по применению инструментария «мягкой силы» со стороны «западных демократий» и, в первую очередь, США можно считать совместную статью нескольких высокопоставленных американских военных, названную «Неконвенциональная война в серой зоне» [10]. Авторы статьи указывают, что применение «мягкой силы» целесообразно в тех случаях, когда приходится действовать на границе между дипломатией и открытой войной и тогда, когда традиционные механизмы государственного управления оказываются недостаточными или неэффективными, а военные кампании по ряду причин не подходят. Используемые методы при этом могут включать в себя подрывную деятельность, которая ведется в достаточно традиционных формах: массовые протесты, деятельность с целью замедления или полной остановки рабочего процесса, бойкот, инфильтрация в правительственные учреждения, а также формирование передовых групп. Цель этих мероприятий состоит в подрыве всех составляющих силы национального или оккупационного правительств соответствующей территории.

Анализируя использование «мягкой силы» для эскалации общественно-политических конфликтов и их удаленного администрирования, следует остановиться и на теории «управляемого хаоса», разработчиком которой является профессор Торонтского университета Стивен Манн, лично участвовавший в создании многих очагов управляемого хаоса и, более того, имеющий прямое отношение к «цветным революциям» в республиках бывшего СССР. В настоящее время его наработки активно используются не для урегулирования конфликтов, а для их конструирования (именно в духе «создания хаоса»). Геополитическая доктрина «управляемого хаоса» в политической сфере страны предполагает: во-первых, объединение в нужный момент и на требуемый период разрозненных политических сил, проявляющих недовольство в отношении легитимной власти; во-вторых, подрыв уверенности самих лидеров страны в своих силах и в лояльности армии, служб безопасности и других силовых структур; в-третьих, прямую дестабилизацию обстановки в стране, поощрение настроений протеста с привлечением иностранных агентов, которые, в свою очередь, будут сеять в обществе чувство паники и недоверия к власти; в-четвертых, – организацию смены власти путем «демократических» выборов, вооруженных выступлений или другими методами [1, с. 169–171].

То обстоятельство, что сегодня все крупные глобальные акторы используют «мягкую силу», порождает ряд проблем. Так, например, американцев заботит, каким образом единая Европа будет соотносить применение своей «мягкой силы» по отношению к американской, не будет ли здесь противодействий или осложнений в двусторонних отношениях. От политического курса России, с другой стороны, зависит, будет ли «мягкая сила» нашей страны сталкиваться с западной «мягкой силой» или с восточной (китайская «мягкая сила») или, наоборот, будет способствовать сближению политических позиций [2, с. 13; 11, с. 100].

Вместе с тем, стремление ряда западных стран диктовать остальному миру свои условия и выстраивать всю систему миротворчества в соответствии с собственной моделью управления конфликтами вызывает серьезные возражения со стороны других участников международных отношений, в первую очередь России и Китая. Последние полагают, что юридической основой такой политики должны быть решения Совета Безопасности ООН, который не только создает схему управления конфликтами, но и определяет легитимность арбитра. Западные страны, напротив, в последнее время все более пренебрежительно относятся к ООН, способствуя перехвату ряда ее функций другими организациями, прежде всего НАТО, выдвигают идею создания новых международных организаций по политико-идеологическому принципу – на основе соответствия их будущих членов «демократическим идеалам» [12].

Манипуляции извне заставляют национальные органы власти внимательно присматриваться к проявлениям всякой внешней и внутренней активности. При развитости техник «мягкой силы» за, казалось, безобидной деятельностью институтов гражданского общества может (как показали события на Украине, в Африке во время «арабской весны» и др.) скрываться начальная стадия государственного переворота. Не должно вызывать сомнений то, что геополитически сильные игроки при определенных благоприятных условиях будут применять все возможные ресурсы «мягкой силы».

Успех арабских революций стал своего рода классическим примером применения ресурсов «мягкой силы» в управлении социально-политическими конфликтами извне. Ведь авторитарные режимы, которые подавляли силой гражданские движения, в конечном итоге пали фактически под их давлением, причем протестующие в большинстве своем использовали тактику ненасильственного протеста. Именно в то время возникло даже такое понятие, как «Facebook-революция», которое очень четко отразило основной инструмент рекрутирования движущих сил этих движений. В научной среде такого рода протестную активность определяли через понятия «возмущенных», или «рассерженных сообществ». Эти демонстрации гражданского общества, которые спровоцировали значительные изменения в разных странах и регионах, – доказательство того, что «мягкая сила» сегодня играет определяющую роль в мировой политике [4, с. 17]. Это обстоятельство объективно требует тщательного изучения различных доктрин и инструментов «мягкой силы», особенно в свете той меры ответственности, которую должно нести государство, использующее «мягкую силу» в интересах внешней экспансии и транслирования своих ценностей [13, с. 80].

Опыт показывает, что государства, обладающие существенными ресурсами, оказываются, зачастую, не в состоянии добиться желаемых результатов на мировой арене. Например, в 2014 году США и их европейские союзники решили пойти ва-банк в конфронтации с Россией, но в итоге в значительной степени утратили собственное единство по ключевым вопросам глобальной повестки дня, существенно снизили потенциал своей «мягкой силы» на постсоветском пространстве, в связи с чем доверие к западным СМИ и экспертам оказалось подорванным [14, с. 103].

В завершение отметим, что США и страны Евросоюза заинтересованы в продолжении курса на конфронтацию с Россией. Эти акторы будут предпри-

нимать попытки дестабилизировать ситуацию в нашей стране и в соседних с нами государствах с помощью инструментов «мягкой силы». В связи с этим нам следует разрабатывать и внедрять методики эффективного противостояния «мягкой» экспансии, опираясь на аутентичные модели акторного воздействия, которые позволяют работать на опережение.

1. Матвеев Ю.И., Галаева М.Г. «Мягкая сила» как фактор современной геополитики // PolitBook. 2015. № 1. С. 165–179.
2. Казаринова Д.Б., Коробка Д.Н., Кутелева А.В., Кинякин А.А., Сарымова Н.И., Зубкова А.И. Мягкая сила в глобальной политике. Часть I. Региональное измерение. Материалы «Круглого стола» сотрудников Российского университета дружбы народов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2012. № 4. С. 5–34.
3. России нужна «мягкая сила» // Официальный сайт издания «Российская газета». Режим доступа: <https://rg.ru/2012/11/01/sila-site.html> (дата обращения: 07.08.2017).
4. Казаринова Л.Б., Хохлачева Е.Г., Погосян Э.В., Барановски Ж., Журенкова В.А., Се Ч., Жданов П.А. Мягкая сила в глобальной политике. Часть II. Региональное и функциональное измерения. Материалы «круглого стола» сотрудников Российского университета дружбы народов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2013. № 2. С. 5–32.
5. Егоров А.И., Гудгольд А.М. «Мягкая сила»: немецкий опыт реализации // Вестник Поволжского института государственного управления. 2017. № 1. С. 25–32.
6. Уолтер Рассел Мид. Власть, террор, мир и война. Большая стратегия Америки в обществе риска. – М.: Прогресс-Традиция, 2006. – 208 с.
7. Иванов О.Б. Информационная война как фактор развития российского гражданского общества // Политика и Общество. 2017. № 4. С. 21–30.
8. Карпович О.Г. Современные концепции управления международными конфликтами в миротворческих операциях: дис. ... доктора полит. наук: 23.00.04 [Текст] / О.Г. Карпович. – Москва, 2012. – 344 с.
9. Савин Л. Жесткая, мягкая и умная сила во внешней политике США // Официальный сайт информационно-аналитического портала «Геополитика». Режим доступа: <https://www.geopolitica.ru/article/zhestkaya-myagkaya-i-umnaaya-sila-vo-vneshney-politike-ssha> (дата обращения: 05.08.2017).
10. Joseph L. Votel, Charles T. Cleveland, Charles T. Connett, and Will Irwin. Unconventional Warfare in the Gray Zone, JFQ 80, 1st Quarter 2016 // Официальный сайт National Defense University Press. Режим доступа: <http://ndupress.ndu.edu/JFQ/Joint-Force-Quarterly-80/Article/643108/unconventional-warfare-in-the-gray-zone/> (дата обращения: 05.08.2017).
11. Иванов О.Б. О конфликтологическом подходе к актуальной типологии политических режимов // Власть. 2017. № 4. С. 99–109.
12. Хохлачева Е.Г., «Мягкая сила» НАТО как инструмент урегулирования международных конфликтов // Официальный сайт Автономной некоммерческой организации «Центр стратегических оценок и прогнозов». Режим доступа: <http://csef.ru/ru/politica-i-geopolitica/491/myagkaya-sila-nato-kak-instrument-uregulirovaniya-mezhdunarodnyh-konfliktov-3931> (дата обращения: 06.08.2017).

13. Суханова Н.Е. «Мягкая сила» во внешней политике современной России // Власть. 2015. № 12. С. 79–84.

14. Иванов В.Г. «Потенциальная мягкая сила» как ресурс внешнеполитического влияния // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2016. № 4. С. 101–104.

References

1. Matveenko Yu.I., Galaeva M.G. «Myagkaya sila» kak faktor sovremennoj geopolitiki // PolitBook. 2015. № 1. S. 165–179.

2. Kazarinova D.B., Korobka D.N., Kuteleva A.V., Kinyakin A.A., Sarymova N.I., Zubkova A.I. Myagkaya sila v global'noj politike. Chast' I. Regional'noe izmerenie. Materialy «Kruglogo stola» sotrudnikov Rossijskogo universiteta druzhby narodov // Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Politologiya. 2012. № 4. S. 5–34.

3. Rossii nuzhna «myagkaya sila» // Oficial'nyj sayt izdaniya «Rossijskaya gazeta». Rezhim dostupa: <https://rg.ru/2012/11/01/sila-site.html> (data obrashheniya: 07.08.2017).

4. Kazarinova L.B., Xoxlacheva E.G., Pogosyan E'.V., Baranovski Zh., Zhurenokva V.A., Se Ch., Zhdanov P.A. Myagkaya sila v global'noj politike. Chast' II. Regional'noe i funkcionnoe izmereniya. Materialy «Kruglogo stola» sotrudnikov Rossijskogo universiteta druzhby narodov // Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Politologiya. 2013. № 2. S. 5–32.

5. Egorov A.I., Gudgol'd A.M. «Myagkaya sila»: nemeckij opyt realizacii // Vestnik Povolzhskogo instituta gosudarstvennogo upravleniya. 2017. № 1. S. 25–32.

6. Uolter Rassel Mid. Vlast', terror, mir i vojna. Bol'shaya strategiya Ameriki v obshhestve riska. – M.: Progress-Tradiciya, 2006. – 208 s.

7. Ivanov O.B. Informacionnaya vojna kak faktor razvitiya rossijskogo grazhdanskogo obshhestva // Politika i Obshhestvo. 2017. № 4. S. 21–30.

8. Karpovich O.G. Sovremennye koncepcii upravleniya mezhdunarodnymi konfliktami v mirotvorcheskix operacijax: dis. ... doktora polit. nauk: 23.00.04 [Tekst] / O.G. Karpovich. – Moskva, 2012. – 344 s.

9. Savin L. Zhestkaya, myagkaya i umnaya sila vo vneshnej politike SShA // Oficial'nyj sayt informacionno-analiticheskogo portala «Geopolitika». Rezhim dostupa: <https://www.geopolitica.ru/article/zhestkaya-myagkaya-i-umnaya-sila-vo-vneshney-politike-ssha> (data obrashheniya: 05.08.2017).

10. Joseph L. Votel, Charles T. Cleveland, Charles T. Connett, and Will Irwin. Unconventional Warfare in the Gray Zone, JFQ 80, 1st Quarter 2016 // Oficial'nyj sayt National Defense University Press. Rezhim dostupa: <http://ndupress.ndu.edu/JFQ/Joint-Force-Quarterly-80/Article/643108/unconventional-warfare-in-the-gray-zone/> (data obrashheniya: 05.08.2017).

11. Ivanov O.B. O konfliktoologicheskom podxode k aktual'noj tipologii politicheskix rezhimov // Vlast'. 2017. № 4. S. 99–109.

12. Xoxlacheva E.G., «Myagkaya sila» NATO kak instrument uregulirovaniya mezhdunarodnyx konfliktov // Oficial'nyj sayt Avtonomnoj nekommercheskoj organizacii «Centr strategicheskix ocenok i prognozov». Rezhim dostupa: <http://csef.ru/ru/politica-i-geopolitica/491/myagkaya-sila-nato-kak-instrument->

uregulirovaniya-mezhdunarodnyh-konfliktov-3931 (data obrashheniya: 06.08.2017).

13. Suxanova N.E. «Myagkaya sila» vo vneshnej politike sovremennoj Rossii // Vlast'. 2015. № 12. S. 79–84.

14. Ivanov V.G. «Potencial'naya myagkaya sila» kak resurs vneshnepoliticheskogo vliyaniya // Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Politologiya. 2016. № 4. S. 101–104.

UDC 316.48+327.8

«SOFT POWER» AND ESCALATION OF SOCIO-POLITICAL CONFLICTS

Ivanov Oleg Borisovich,

Head of the Center for the Settlement of Social Conflicts,
Honored Lawyer of the Moscow Region,
Moscow, Russia,
E-mail: collegiamo@gmail.com

Annotation

The article reveals the essence and purpose of the “soft power” in foreign policy, analyzes its potential and opportunities in terms of escalating socio-political conflicts at the national level. The relevant experience of using the key tools of “soft power” is explored. The author claims that “soft power” is used as an instrument of influence and propaganda in the global information space and foreign policy. In the era of globalization, “soft” power is increasing compared to “hard” instruments of influence.

Key concepts:

soft power, soft influence, geopolitical project, socio-political conflict, socio-political conflict management.